

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43
Р64

Рекомендовано
Научно-методическим советом
Центра проблем развития образования БГУ
8 ноября 2007 г., протокол № 7

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богусевич*
доктор психологических наук, профессор *Л. А. Кандыбович*

Розетовский сборник: сб. науч. ст. / под ред. Я. Л. Коломинского и А. А. По-
Р64 лонникова. — Минск : Изд. центр БГУ, 2007. — 182 с.
ISBN 978-985-476-555-6

В основу сборника легли доклады Первой Международной научной конференции «Розетовские чтения», состоявшейся 12 октября 2007 года и приуроченной к 80-летию со дня рождения белорусского психолога Исаака Моисеевича Розета (1927–1992). В статьях, размещенных в сборнике, рассматриваются различные аспекты жизни и творчества И. М. Розета, а также его научные идеи, которые могут быть актуальны для современной белорусской психологии.

Адресуется преподавателям университетов, психологам, аспирантам и студентам психологических специальностей.

УДК 159.9.01(082)+159.9(476)(092)(082)+929(082)
ББК 88.3я43+88г(4Бен)я43

Содержание

- 5 От редколлегии
- 6 К истокам белорусской психологии
Я. Л. Коломинский, А. А. Полонников
- 13 Мой милый папа. Воспоминания сына о своем отце
А. И. Розет
- 28 Слово о друге
Я. Л. Коломинский
- 34 Феномен Розета
О. И. Шарко
- 43 Научные идеи и экспериментальная разработка И. М. Розетом
проблем психологии памяти
М. З. Яновский
- 47 Педагогические представления И. М. Розета
В. А. Герасимова
- 55 Реализация классического типа научной рациональности в про-
грамме «Психология фантазии» И. М. Розета
Н. Д. Корчалова
- 70 Механизмы продуктивной умственной деятельности у детей с ин-
теллектуальной недостаточностью
Е. С. Слепович, А. М. Поляков

- 83 Впечатления от статьи А. И. Розова «Соображения рядового психолога», опубликованной в журнале «Вопросы философии» в 1953 году, № 3
Л. А. Пергаменичик
- 90 «Нехватка слов»: концепция речевого конфликта в работах И. М. Розета и ее прочтение в терминах дискурсной теории
Е. А. Кожемякин
- 97 Топология сноски (замечания к концепции «речевого конфликта» И. М. Розета)
А. А. Полонников
- 114 Розет vs Розет: (не)возможная (ре)конструкция
Т. В. Тягунова
- 132 Социальные основания психологии: этнометодологическое чтение статьи И. М. Розета и Я. Л. Коломинского «О равнозначимости и вероятностном понимании психических явлений»
А. М. Корбут
- 173 Список научных работ И. М. Розета
- 180 Сведения об авторах

Слово о друге

Я. Л. Коломинский

С большим внутренним волнением я открываю эти чтения. Поверьте, мне приходилось открывать большое количество разных научных событий, но так как сегодня я никогда раньше не волновался. И, прежде всего, потому, что это первая в истории белорусской психологии настоящая мемориальная конференция. Она посвящена памяти Исаака Моисеевича Розета, большого ученого и моего друга. В мемориальности этих чтений есть особый знак, поскольку именно Мнемозине Исаак Моисеевич посвятил много интересных, значимых работ. Исаак Моисеевич Розет — фигура символическая в нашей психологической науке, это человек, который действительно воплощал в себе качества прекрасной личности и настоящего ученого. Об этом мы сегодня еще будем говорить. А пока я хочу поприветствовать участников конференции от имени Белорусского общества психологов, а также приехавшего к нам издалека сына Исаака Моисеевича — Андрея Исааковича.

Говорить о человеке, с которым тебя связывали годы дружбы, совместных переживаний и научных поисков весьма не просто. Даже сегодня, несмотря на то, что прошло 15 лет с тех пор, как Исаака Моисеевича нет среди нас, у меня сохраняется ощущение его физического присутствия. Очень не просто в этой ситуации выбрать верный тон... Однако, пора начинать.

На подступах к Итаке хитроумного скитальца Одиссея и его спутников с двух сторон поджидали два чудовища — Сцилла и Харибда. Автора научных и научно-популярных статей также подстерегают Сцилла и Харибда. Об этом Исаак Моисеевич размышляет в одной из своих работ. Есть опасность либо «заначить» их, сделать недоступными читателю, либо вульгаризировать, банализировать научный текст. Сегодня и меня, как Одиссея, ожидает выбор между Сциллой

и Харибдой — либо сделать научный доклад, чего делать не следует, либо удариться в воспоминания. Я попытаюсь не впасть в крайности.

Прежде всего, я хочу вспомнить тот замечательный день, когда мы с Исааком Моисеевичем познакомились. Это произошло в 1959 году на конференции, которая проходила в Минске, в здании института иностранных языков (ныне Лингвистического университета). На ней было очень много гостей: психологов из Москвы, Ленинграда, Киева. Я выступал на ней, рассказывая о своих психологических наблюдениях воспитанников школы-интерната № 17, где в то время мне довелось работать воспитателем и «выкладчыкам беларускай мовы». Ко мне подсел Исаак Моисеевич и сказал: «Ваш доклад мне не очень понравился, Яков, но Вы мне очень понравились». Так состоялось наше знакомство, которое потом переросло в дружбу.

Исаак Моисеевич везде появлялся с большим потертым кожаным портфелем, с каким сегодня ходит Жванецкий, а его появление постоянно сопровождал восхищенный шепот: «Это тот Розет, который создал новую теорию памяти». Через некоторое время я стал бывать в его в доме, сначала гостем, затем частым гостем, познакомился с его женой Верой Андреевной и 12-летним сыном Андреем. Уже тогда меня поразило отношение Исаака к своему сыну. В том, что рассказывал в своем выступлении сегодня Андрей, нет ни грамма преувеличения. Исаак Моисеевич его действительно бесконечно любил и берег. Именно у Исаака я научился отношению к детям, в том числе и своим. Своего сына Исаак Моисеевич не называл Андреем. Он его называл «Изеньш».

Настоящая дружба у нас была и с Верой Андреевной. Принимая меня в своем доме, она часто, шутя, говорила: «Яков Львович, пообедайте у нас, поешьте, как следует». И добавляла: «Ваша жена красивая женщина, она диктор, и, конечно же, ничего не готовит. Так вы хоть у нас поешьте, как следует». К тому же она, наверное, заметила, что я обладаю какими-то манерами, как та мама, которая говорила, что ее сын весьма культурный, он знает, что нож надо держать в правой руке, а котлету в левой. Мои привычки стали объектом ее педагогической заботы.

Вскоре мы с Исааком Моисеевичем начали активно сотрудничать. Надо, конечно же, отметить знание моим другом значительного количества иностранных языков. Он надо мной иногда подшучивал: «Яков, ты почему не учишь языков?». Я отвечал, что у меня нет способностей к языкам, у меня, мол, плохая механическая память. «Да ты просто лентяй», — смеялся Исаак Моисеевич. Видимо, он был прав.

Вместе с ним мы овладевали социометрией. Исаак Моисеевич брал книжку на английском языке и сразу читал ее вслух на русском. Это, как мне припоминается, была «Социометрия в школьном классе». На основе наших совместных размышлений родилась статья о социометрических методах, которая вскоре была напечатана в журнале «Вопросы психологии». Это была первая у нас в стране

серьезная публикация по запрещенной тогда социометрии. И даже сейчас, когда Я. Морено широко переиздается, эта статья обязательно включается в переиздания. Таким образом, эта тема была разморожена и стала жизнеспособной.

На Андрее мы с Исааком любили проверять многие психологические идеи. Мы убедились, что устами этого уже далеко не младенца порой «глаголет истина». Исаак нередко приводил факты проявления открытых им закономерностей припоминания на примере высказываний Андрея: «Он путает Бетховена и Эйнштейна. Мы в нашем доме одинаково восхищаемся этими гениями, и в сознании Андрея это преломилось как равнозначимость». Речь шла о разработанном нами впоследствии принципе равнозначимости и вероятностном понимании психических явлений. Равнозначимость часто путают с отсутствием избирательности, однако это не так. Говоря о равнозначимости, мы имели в виду то фактическое положение, когда представители целой группы физических объектов, людей или, наконец, психических данностей (представлений, слов, понятий и т. д.) выступают в той или иной конкретной ситуации как равноценные или равноправные. Таким образом, избирательность субъекта направлена не на один исключительный, ничем и никем не заменимый объект, а на группу равнозначных для индивида объектов¹.

Идея принципа равнозначимости принадлежала Исааку. Его рассказ об этой закономерности меня очень поразил и впечатлил, поскольку во многом соответствовал моим собственным изысканиям в области межличностных отношений. В нашей совместной статье я распространил этот принцип с явлений памяти на психологию межличностных отношений. Проверая универсальность этого принципа, я приводил Исааку Моисеевичу такой пример равнозначимости: «У меня есть два друга — ты и совершенно на тебя непохожий математик Лев Борисович Шнеперман (впоследствии научный руководитель Андрея), который, в отличие от тебя, такой маленький, тихий, спокойный. Но вы мне оба одинаково дороги».

Исаак любил приводить примеры на равнозначимость. Вот один из его любимых. Приходит на кафедру человек и спрашивает: «Скажите, где работает доцент Чепуха?». Ему говорят: «Нет у нас такого доцента». «А может здесь работает доцент Нонсенс?.. Ах да, я забыл это доцент Ересь!». С Еленой Павловной Ересь они жили в одном доме.

С принципом равнозначимости у меня связана одна курьезная история. В белорусском издании своей книги «Беседы о тайнах психики» я привел такой пример равнозначимости: некий человек приходит в магазин и просит продавщицу дать полкилограмма *медицинской* колбасы. Она вежливо отвечает, что такой колбасы не существует. «Ой, да, *врачебной*», — поправляет себя клиент. Но и такой тоже нет. В конце концов, продавщица смекает, что покупатель хочет *докторской* колбасы.

¹ Более подробно см.: Розов, Коломинский, 1965.

И вот этот, как мне казалось, удачный пример моя редактор предлагает убрать из книги. Почему? А оказывается потому, что у читателей могут возникнуть аллюзии по поводу того, что у нас в магазинах нет в продаже колбасы. На следующий день я пошел в магазин, и оказалось, что там как раз есть докторская колбаса. Я звоню редактору: «Антонина Ивановна, в нашем магазине есть докторская колбаса! Вам взять?» В результате этой операции фрагмент текста был сохранен.

Точно так же происходило и в некоторых других случаях, когда, например, редактировали мою работу «Человек среди людей». На этот раз выбрасывали примеры из книги «Чапаев» Д. Фурманова. Там был такой момент. Чапаева спрашивают: «А ты мог бы армией командовать?». «Да». «А фронтом?». «Чуть-чуть поучился бы и смог». «А во всемирном масштабе?». «Нет, — отвечает Василий Иванович, — во всемирном не смог бы — языков не знаю». Точная копия эксперимента на уровень притязаний. Я это привел в иллюстративных целях. А мне редактор «Молодой гвардии» предлагает эту иллюстрацию выбросить. Я спрашиваю: «Почему? Вот смотрите, Елена Ивановна, страница книги Д. Фурманова, том собрания его сочинений...». Она знает, что я знаю, почему это надо выбросить. И она знает, что я знаю, что она знает. В то время как раз были в моде анекдоты про Чапаева, и в сознании читателя немедленно всплывали соответствующие ассоциации, на что я и рассчитывал.

Или, например, история с поэтом А. Вознесенским. Он тогда участвовал в самиздатовском альманахе «Метрополь», связанном с советскими диссидентами. Его цитаты стали выбрасывать из моих книг. Но тут оказалось, что Вознесенский полетел на Северный Полус. Его даже показали по телевизору. Я немедленно звоню в Москву: «Вы знаете, Вознесенского по телевидению показывали». «Да? Оставляем». Такова была наша жизнь. У меня даже эссе есть: как меня редактировали.

«На Андрее» я как-то проверил положение о проявлении «эффекта бумеранга», «социальной желательности» в процессе использования опросных методов. Накануне сентября говорю ему: «Ну, что, Андрюша, скоро в школу. Радуетесь, небось...». «Да не очень-то... Еще бы месяцок погулять». «Вот, оказывается, какой ты, — сказал я. — А я на днях у одного мальчика в троллейбусе спросил, хочет ли он в школу, и он мне ответил: да скорей бы в школу...». Андрей усмехнулся и сказал: «Если бы меня в троллейбусе спросили, я бы тоже так ответил».

Исаак мне рассказывал массу интереснейших случаев из своей студенческой жизни. Например, однажды Елена Павловна Ересь читала лекцию о френологии Галля. Она предложила кому-нибудь из студентов подойти к ней, чтобы она могла посмотреть, какие у него характерные шишки. Один студент выходит, не будем говорить кто, затем он стал деканом одного из факультетов БГУ. Этот студент был в военной форме, в сапогах. Елена Павловна ощупывает ему голову: «Вот

это шишка настойчивости, а вот шишки любви я у вас чего-то не нахожу». А он басом говорит: «Не там ищите, Елена Павловна».

Вспоминается и такой случай. Мы вместе написали статью, которая называлась «Об эмоциональном и рациональном факторе в антирелигиозном воспитании». С этим докладом мы поехали в Литву, в Шауляй. Когда мы туда собирались, Вера Андреевна дала нам строгое задание купить Андрею хороший пуловер, потому что в Шауляе находилась знаменитая трикотажная фабрика. Мы приехали в Шауляй, выступили на конференции. Настало время выполнить задание Веры Андреевны. Нам говорят, что на такой-то улице живут работники трикотажной фабрики и там, прямо из окна, они торгуют своим товаром. Мы отправились по указанному адресу. Когда мы пришли, все исчезло — никто ничего не продает. Кто мы? Чужие люди. И тогда провожавший нас человек сказал о нас — это евреи. И моментально все появилось. Свитер был изумительный.

Было очень интересно слушать Исаака Моисеевича, когда он рассказывал о своих знакомых. Он очень любил людей. Даже когда высказывался о своих, мягко выражаясь, «недалеких» товарищах. Он считал, что надо уметь прощать. Хочу сказать, что вообще вся деятельность этой личности — явление уникальное. Это был человек-энциклопедист, человек эпохи Возрождения, он многое знал и многое понимал. И в то же время он не был кичливым, надутым. Иные опубликуют одну статью — и ходят с видом классика. Этого у него никогда не было.

Что объединяло нас, таких разных? Наверное, общность судьбы.

Мы оба родом из еврейских местечек: он из Дисны, а я из Наровли. Или, например, путь в психологию. В какой-то степени я тоже случайно попал в эту сферу. В 40-е годы психология якобы преподавалась в школе, но это касалось только столичных школ. В моей Наровлянской средней школе не было никакой психологии. Слово «психология» я увидел случайно на обложке учебника, который моя сестра привезла из Минска. Я хотел стать либо журналистом, либо писателем, либо даже математиком. Я приехал поступать в БГУ. Но в БГУ существовала процентная норма, она составляла 3%, и ректор сказал, что, несмотря на медаль, меня принять не могут, ведь республике нужны национальные кадры. Мой брат-фронтовик ворвался к нему и чуть не убил.

Я пошел в здание напротив, в педагогический институт, и там меня взяли на педагогический факультет, отделение педагогики и психологии, где я и понял, что единственное, чему стоит себя посвятить — это психология. Так я стал заниматься психологией. Вот почему разговоры о ранней профориентации меня всегда раздражают. Что значит ранняя профилизация? Это закрытие перед человеком других путей. Ранняя профилизация означает убийство каких-то скрытых способностей человека. Это вредное дело. Еще более вредное дело — принимать в вузы по итогам тестирования. С человеком никто не разговаривает. Можно при-

нять на психологическую специальность абитуриента, который вообще лишен дара речи.

У нас с Исааком было очень много интересных бесед, рассуждений, обсуждений, которые всегда перемежались какими-то шутками, юмором. Человека с таким чувством юмора я никогда ни до, ни после не встречал. Это был каскад юмористических рассказов, анекдотов, которые иногда критиковали особенности жизни в Израиле. Например, он рассказывал как два грузчика-еврея, обращаясь друг к другу, говорили: «С таки тяжелоцу тащен ящикес». Шутками мы разбавляли наши научные дискуссии.

Один из самых трудных моментов для меня — уход из жизни Исаака Моисеевича. Однажды, когда я его посетил в больнице, он мне сказал очень значимую для меня фразу: «Яков, фактически ты мой единственный друг». Я это звание ношу с большой гордостью и с большим пиететом.

Литература

Розов А. И., Коломинский Я. Л. Принцип равнозначимости и вероятностное понимание психических явлений // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 79–89.